

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 181

01 августа 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителей – С., адвоката П., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам С. без даты (вх. ...) и от 04 апреля 2024 года (вх. ...) и адвоката П. от 02 апреля 2024 года (вх. ...) в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 22 мая 2024 года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобам С. без даты (вх. ...) и от 04 апреля 2024 года (вх. ...), и адвоката П. от 02 апреля 2024 года (вх. ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Адвокат Г., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил Совет о получении заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие (вх. ...). Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката Г.

Заявитель С. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии не согласен. Считает, что действия адвоката Г. умаляют авторитет адвокатуры, он не исполнил профессиональные обязанности перед ним как доверителем, а также решения органов адвокатского самоуправления. Настаивает, что адвокат Г. лишь формально

подписал все протоколы следственных действий с его участием, однако доказательства этого представить не может. Уголовное дело было фактически расследовано с участием адвоката Г. в течение очень короткого промежутка времени, в чем заявитель усматривает нарушения со стороны указанного адвоката.

Заявитель – адвокат П. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии не согласен. Настаивает, что адвокат Г. не исполнил возложенные на него обязанности по проверке обоснованности замены его (адвоката П.) в качестве защитника С., не связавшись с ним. Он пытался вступить в уголовное дело, однако ордер у него в следственном отделе не приняли, сославшись на то, что он будет заменен. Какие-либо ходатайства или жалобы по этому поводу он не подавал, обратился в Адвокатскую палату города Москвы, посчитав это достаточным.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителей, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

18 марта 2024 года в 12 часов 25 минут следователем СО по ... району следственного управления по ... округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве лейтенантом юстиции М. возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 137, ч. 3 ст. 272 УК РФ, в отношении неустановленных лиц.

20 марта 2024 года в 13 часов 02 минуты следователем М. в АИС АПМ была создана заявка № ... об обеспечении участия 20 марта 2024 года в 16 часов 00 минут в указанном уголовном деле защитника для осуществления защиты С. в порядке ст. 50 и 51 УПК РФ. Инициатором заявки и контактным лицом указан следователь М. Данная заявка 20 марта 2024 года в 14 часов 03 минуты была распределена адвокату П.

Вместе с тем, адвокат П. не вступил 20 марта 2024 года в уголовное дело для участия в качестве защитника С., был заменен на основании созданной 20 марта 2024 года в 17 часов 17 минут следователем М. в АИС АПМ новой заявки № ..., которая в 21 час 50 минут того же дня была распределена адвокату Г. Инициатором заявки и контактным лицом указан следователь М.

20 марта 2024 года адвокат Г. вступил в уголовное дело в качестве защитника С., представив следователю Ордер от 20 марта 2024 года № ..., основание выдачи ордера – «заявка № ...».

20 марта 2024 года следователем М. были составлены следующие процессуальные документы с участием С. и его защитника – адвоката Г.: протокол явки с повинной (22 часа 00 минут); протокол допроса С. в качестве подозреваемого с 22 часов 10 минут до 22 часов 40 минут; постановление о привлечении С. в качестве обвиняемого в 22 часа 43 минуты; протокол допроса С. в качестве обвиняемого с 22 часов 45 минут до 23 часов 10 минут;

протокол выемки с 23 часов 20 минут до 23 часов 35 минут.

В ходе указанных следственных и процессуальных действий С. дал подробные показания по обстоятельствам инкриминируемого ему деяния, все процессуальные документы (протоколы, постановление о привлечении в качестве обвиняемого) подписал без замечаний.

В порядке ст. 91, 92 УПК РФ С. не задерживался. 20 марта 2024 года следователем М. в отношении С. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

В последующем адвокат Г. в проведении каких-либо следственных и иных процессуальных действий с обвиняемым С. участия не принимал. В уголовное дело вступил защитник – адвокат П., с участием которого 26 марта 2024 года обвиняемый С. был уведомлен об окончании следственных действий по уголовному делу. 28 марта 2024 года обвиняемый С. и его защитник – адвокат П. в порядке ст. 217 УПК РФ ознакомились с материалами уголовного дела.

Заявители С. и адвокат П. выдвигают в отношении адвоката Г. дисциплинарные обвинения в том, что последний не исполнил обязанности по проверке обоснованности замены защитника – адвоката П., а также утверждают, что все следственные и процессуальные действия проводились стажером Са., а не следователем М., при этом адвокат Г. не принимал в них участия, прибыл в следственный отдел, когда процессуальные действия были фактически завершены, и лишь подписал документы, а постановление о привлечении С. в качестве обвиняемого не получал. Юридическую помощь адвокат Г. доверителю С. навязал, права не разъяснял, конфиденциальное свидание со С. не проводил, позицию не согласовывал.

Адвокат Г. в ходе дисциплинарного разбирательства выдвинутые в отношении него дисциплинарные обвинения отрицал, утверждая, что свою помощь он С. не навязывал. Последний собственноручно писал расписку о том, что не возражает, чтобы его защиту осуществлял адвокат Г., а следственные и иные процессуальные действия проводились в ночное время. Он лично принимал участие во всех следственных и процессуальных действиях со С., оказал последнему всю необходимую юридическую помощь. Позицию о признании вины избрал сам С., пояснивший, что считает данную позицию правильной и в конфиденциальном свидании до проведения следственных действий не нуждается. О попытке вступления адвоката П. в уголовное дело ему известно не было.

Рассматривая довод жалоб С. и адвоката П. о том, что адвокат Г. «не исполнил свою обязанность по проверке обоснованности замены адвоката П. по назначению; наличие обстоятельств, препятствующих его вступлению в уголовное дело, им не выяснялось», Совет отмечает, что согласно ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

В соответствии с п. 6 Разъяснения № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019

года (Протокол № 11)) освобождение адвоката от участия в уголовном деле в качестве защитника по назначению допускается исключительно в случаях, предусмотренных законодательством (принятие соответствующим должностным лицом в соответствии с требованиями закона мотивированного процессуального решения о замене защитника либо о его отводе при наличии законных оснований для этого, принятие отказа обвиняемого (подозреваемого) от защитника, приостановление статуса адвоката и др.) и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы, а также при наличии иных уважительных причин (например, тяжелая продолжительная болезнь, препятствующая осуществлению профессиональных обязанностей, и т.п.) (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. № 3 (146). С. 11-12*).

Аналогичное положение содержится и в п. 6 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению», утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 года (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2020. № 1 (69). С. 80-81*).

Согласно пп. «а» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (*Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://fparf.ru>>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57)», стр. 140-142*), в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат П., несмотря на принятие заявки АИС АПМ № ..., в уголовное дело № ... в качестве защитника С. не вступил. В связи с этим 20 марта 2024 года в 17 часов 17 минут следователем М. в АИС АПМ была размещена заявка № ... об обеспечении участия адвоката для осуществления защиты С., которая 20 марта 2024 года в 21 час 50 минут была распределена адвокату Г.

Таким образом, на момент вступления адвоката Г. в уголовное дело № ... в качестве защитника С. и последующего проведения с ним перечисленных выше следственных и иных процессуальных действий адвокат П. защитником С. не являлся. Ордер адвоката П. на защиту С. в материалах уголовного дела отсутствовал.

Совет отклоняет как несостоятельные доводы адвоката П. о причинах покидания следственного органа и обращает его внимание на то, что в случае отказа следователя принять его ордер и допустить к подзащитному ему надлежало подать соответствующие ходатайство через канцелярию следственного органа с приложением ордера адвоката и обжаловать недопуск к защите в предусмотренном УПК РФ порядке. В случае если следственные

действия со С. действительно проводились неуполномоченным лицом, адвокату П. после вступления в уголовное дело следовало процессуально зафиксировать данное нарушение, подав в этих целях письменное ходатайство следователю и жалобу руководителю следственного органа, заявить отвод неуполномоченному лицу и принять меры к фиксации при помощи технических средств следственных действий, производимых неуполномоченным лицом. Вместо всего этого адвокат П. покинул следственный отдел без вступления в уголовное дело и принятия мер по защите своих профессиональных прав и прав подзащитного. Кроме того, Совет отмечает, что указанные доводы адвоката П. какими-либо доказательствами не подтверждены.

Совет также обращает внимание адвоката Г. на то, что в соответствии с техническими возможностями АИС АПМ в каждом случае замены адвоката по назначению новому адвокату направляется электронное письмо с информацией о произведенной замене и данными предыдущего адвоката. В этой связи у адвоката Г. не могло не быть информации о том, что до него заявку на защиту С. принимал адвокат П., впоследствии замененный. Вместе с тем, учитывая, что адвокат П. в защиту С. не вступил и надлежащих действий для этого не совершил, у адвоката Г. не было обязанности проводить какие-либо проверочные действия в связи с попытками вступления в уголовное дело адвоката П., а описанные выше обстоятельства, на которые он ссылается, даже в случае их подтверждения не являлись бы для адвоката Г. препятствием для вступления в уголовное дело в качестве защитника С.

В связи со ссылками адвоката П. на якобы полученные им по телефону инструкции неназванного сотрудника Адвокатской палаты города Москвы Совет отмечает, что на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы до сведения адвокатов доведена следующая информация о работе АИС АПМ при замене защитника по назначению: «...адвокатская палата не вправе оценивать законность и обоснованность действий дознавателя, следователя или суда по конкретному делу, поскольку не является участником уголовного судопроизводства, не может вмешиваться в процессуальные отношения, тем более препятствовать судопроизводству по собственному усмотрению. Совет адвокатской палаты только организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда. Автоматизированная информационная система не является искусственным интеллектом, принимающим самостоятельные решения, – это только удобный и современный технический способ обеспечения распределения поручений среди адвокатов, который фиксирует и исполняет процессуальные решения и действия уполномоченных на то участников судопроизводства. Спорные же вопросы между процессуальными участниками могут разрешаться только в формах, прямо предусмотренных действующим законодательством» (*Информация о работе АИС АПМ при замене защитника по назначению опубликована на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы //*

<<https://www.advokatymoscow.ru/advo cate/activity/info/9720/?ysclid=lvnw33y4hj305727787>>).

Каких-либо доказательств причастности адвоката Г. к возможному недопуску адвоката П. в качестве защитника Ст., сговора адвоката Г. с работниками правоохранительных органов заявителями в материалы дисциплинарного производства не предоставлено.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части дисциплинарных обвинений, поскольку презумпция добросовестности адвоката Г. не опровергнута.

Рассматривая доводы жалоб С. и адвоката П. о том, что 20 марта 2024 года все следственные и иные процессуальные действия проводились стажером Са., а не следователем М., адвокат Г. не принимал в них участия, а прибыл в следственный отдел, когда процессуальные действия были фактически завершены, лишь подписал документы, а постановление о привлечении С. в качестве обвиняемого не получал, Совет отмечает, что они также доказательствами не подтверждены.

В материалах дисциплинарного производства имеются представленные заявителем С. протоколы вышеперечисленных следственных и процессуальных действий от 20 марта 2024 года, которые составлены следователем СО по ... району следственного управления по ... округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве лейтенантом юстиции М. При этом каких-либо указаний на их составление иным лицом или иных заявлений и замечаний в данных протоколах не имеется, на каждом из документов проставлены подписи следователя М. и С.

Из содержания протоколов допроса С. в качестве подозреваемого и обвиняемого усматривается, что они, включая указание на защитника С. – адвоката Г., выполнены машинописным способом, а время проведения следственных и иных процессуальных действий проставлено вручную. Каждый лист протоколов подписан С. и его защитником – адвокатом Г., какие-либо заявления и замечания С. в них отсутствуют, о чем также имеются его собственноручные записи. Из постановления о привлечении С. в качестве обвиняемого также следует, что обвинение С. было предъявлено 20 марта 2024 года в 22 часа 43 минуты, о чем на соответствующем листе данного постановления имеется подпись С. и защитника – адвоката Г. В свою очередь, протокол явки С. с повинной от 20 марта 2024 года полностью выполнен рукописным способом, в нем указано время составления (22 часа 00 минут), а также указано на присутствие защитника – адвоката Г. С. собственноручно указано, что данное заявление о явке с повинной с его слов записано верно, замечаний нет.

Заявители С. и адвокат П. в ходе дисциплинарного разбирательства сообщали, что информацию о времени нахождения адвоката Г. в помещении следственного органа 20 марта 2024 года они официально не запрашивали. При этом адвокат П. указал, что при подаче жалобы он опирался исключительно на материалы уголовного дела.

Из ответа № ... на запрос Адвокатской палаты города Москвы, подписанного следователем М. (вх. № ...), следует, что «адвокат Г. находился в СО по ... району г. Москвы в связи с участием в следственных действиях по уголовному делу в отношении С. в период с 22 часов 10 минут 20.03.2024 по 01 час 00 минут 21.03.2024».

Адвокат Г. в ходе дисциплинарного разбирательства названные дисциплинарные обвинения последовательно отрицал, настаивая на том, что 20 марта 2024 года он принимал участие во всех следственных и процессуальных действиях, и что они проводились именно следователем М.

При таких обстоятельствах Совет признает неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Г. и в данной части.

Дополнительно Совет отмечает, что, согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 января 2016 года (Протокол № 3) и опубликованным на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://www.fparf.ru>>, компетенция совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ.

С учетом изложенного Совет разъясняет заявителям, что если они считают, что адвокатом Г. совместно с сотрудниками правоохранительных органов совершены деяния, содержащие признаки каких-либо преступлений, они вправе обратиться с соответствующим заявлением в органы, осуществляющие уголовное преследование.

Рассматривая доводы жалоб заявителей о том, что адвокат Г. принял участие в проведении процессуальных действий до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-х часового срока для приглашения защитника по соглашению, и при этом С. был против проведения следственных и иных процессуальных действий в ночное время, Совет отмечает следующее. С. в порядке ст. 91, 92 УПК РФ не задерживался, в связи с чем оснований руководствоваться требованиями Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» у адвоката Г. не имелось.

Доказательств того, что С. возражал против производства процессуальных действий в ночное время, а адвокат Г. его в этом не поддержал, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства и в данной части.

Рассматривая доводы жалоб заявителей о том, что «20 марта 2024 года адвокат Г. не проводил свидание со С., тем более в условиях, обеспечивающих конфиденциальность; адвокатом Г. С. не были разъяснены права, предусмотренные ст. 46, 47, 50 УПК РФ, а также положения ст. 51 Конституции РФ; совместная позиция по делу адвокатом Г. со С. не вырабатывалась; адвокат Г. навязал С. свою юридическую помощь», Совет отмечает, что они не подтверждаются адвокатом Г. и противоречат представленным заявителем С. документам.

В протоколе допроса С. в качестве подозреваемого от 20 марта 2024 года указано на разъяснение последнему до начала его допроса прав, предусмотренных ч. 4 ст. 46 УПК РФ, а также положений ст. 51 Конституции РФ. Также в этом протоколе указано: «Кроме того, мне разъяснено, что в соответствии с ч. 3 ст. 46 УПК РФ, в случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, мне предоставляется право на один телефонный звонок на русском языке в присутствии следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, а следователь должен исполнить обязанности по уведомлению о задержании в соответствии со ст. 96 УПК РФ», проставлена подпись С. В протоколе допроса С. в качестве обвиняемого от 20 марта 2024 года указано: «Перед началом допроса обвиняемому С. разъяснены права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ. Кроме того, ему разъяснено, что в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации он не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ»; «С предъявленным мне обвинением ознакомлен в полном объеме, в присутствии своего защитника. Сущность предъявленного обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 137, ч. 3 ст. 272 УК РФ мне ясна и понятна. Мои права мне разъяснены и понятны. Свою вину в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 137, ч. 3 ст. 272 УК РФ, признаю в полном объеме, в содеянном раскаиваюсь».

Также из вышеуказанных протоколов следственных действий усматривается, что С. разъяснялось право, предоставленное ст. 51 Конституции РФ, но последний им воспользоваться не пожелал и дал подробные показания по обстоятельствам инкриминируемых ему деяний.

Таким образом, из протоколов допроса С. в качестве подозреваемого и обвиняемого усматривается, что перед их проведением следователем под роспись были разъяснены С. его права. При этом обязанность по разъяснению указанных прав законом возложена именно на субъект, уполномоченный осуществлять уголовное преследование, а не на защитника – адвоката.

Адвокат Г. в ходе дисциплинарного разбирательства настаивал, что разъяснял С. право не свидетельствовать против себя, однако последний от конфиденциального общения отказался, мотивируя это тем, что им уже были даны «признательные объяснения» и он намерен их повторить при даче

показаний.

Совет в этой связи отмечает, что в ходе дисциплинарного разбирательства заявитель С. сообщил, что еще до прибытия адвоката Г. по результатам общения с оперативными сотрудниками им было принято решение о признании вины в инкриминируемом ему деянии, первоначально он дал соответствующие объяснения сотрудникам правоохранительных органов, а затем подтвердил их в протоколах допроса в качестве подозреваемого и обвиняемого. При этом фактически С. подтвердил, что, придя в следственный отдел, адвокат Г. общался с ним, разъяснял право не свидетельствовать против себя, но С. «уже не видел в этом смысла».

При таких обстоятельствах Совет признает неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Г. и в данной части дисциплинарных обвинений и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объеме.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобам С. без даты (вх. ...) и от 04 апреля 2024 года (вх. ...) и адвоката П. от 02 апреля 2024 года (вх. ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков